

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Baku State University

NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Materials of the V international scientific conference
on March 1–2, 2018

Prague
2018

National cultures in social space and time: materials of the V international scientific conference on March 1–2, 2018 – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2018. – 35 p. – ISBN 978-80-7526-277-6

ORGANISING COMMITTEE:

Khikmet A. Alizade, doctor of pedagogical sciences, professor, dean of social sciences and psychology department of Baku State University.

Kyzylgyul Ya. Abbasova, candidate of philosophical sciences, assistant professor of sociology department of Baku State University.

Azad A. Rzayev, doctor of historical sciences, professor, dean of historical department of Baku State University.

Zabil G. Bayramly, associate professor of Azerbaijan history department of Baku State University.

Ilon G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, chief manager of the SPC «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines national cultures in social space and time. Some articles deal with general theoretical interpretation of the essence of culture. A number of articles are covered interaction and interference of civilization and culture. Some articles are devoted to the role of language and religion in formation of national culture. Authors are also interested in folk art as a source of development of the national culture.

UDC 37

ISBN 978-80-7526-277-6

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2018.
© Group of authors, 2018.

CONTENTS

I. ESSENCE OF NATIONAL CULTURE

Савина С. Г., Поваляев С. А.

Социодинамика культурной традиции Беларуси в контексте цивилизаций Запада и Востока 5

II. NATIONAL-ETHNIC AND UNIVERSAL CONTENT OF CULTURE

Ерофеева И. В., Бочарников В. Н.

Концепт Охота в лингвокультурологической парадигме современных специализированных журналов 13

III. FEATURES OF THE GLOBALIZATION OF CULTURAL PROCESSES

Медушевский Н. А.

Ислам и Христианство через призму образования в Африке южнее Сахары 18

Пустарнакова А. А.

Отношение студентов к русской культуре в контексте глобализации 21

IV. CUSTOMS, TRADITIONS, CELEBRATIONS AND HOLIDAYS AS FORMS OF NATIONAL CULTURE

Бекболатова Л.

Отражение принципа карнавальности в симфонической музыке бразильских композиторов XIX – первой половины XX вв. 26

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 2018 году 30

Информация о научных журналах 32

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	33
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	34

I. ESSENCE OF NATIONAL CULTURE

СОЦИОДИНАМИКА КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ЗАПАДА И ВОСТОКА

С. Г. Савина
С. А. Поваляев

*Кандидат философских наук, доцент,
кандидат философских наук, доцент,
Белорусский государственный
университет,
г. Минск, Беларусь*

Summary. The peculiarity of the Belarusian culture, its diffusion of cultural forms is due to both historical and geographical factors. The geopolitical situation of Belarus has defined of influence on national culture of East and West has contributed to the development of cultural contrasts, thus preventing the inification of Belarus culture.

Keywords: Belarusian culture; historical and geographical factors.

Взаимосвязь культуры и социума предполагает взаимовлияние трех основных составляющих этой системы. Первая из них связана с мировоззрением и включает в себя религию, философию и науку. Вторую составляет искусство во всем многообразии его видов и жанров. Наконец, третья, тесно связана с социализацией и состоит из права, политики, морали, главными регуляторами которой являются соответствующие нормы. Любое культурно-историческое событие воспринимается в триединстве этих составляющих. Отдельного внимания заслуживает философия, которая является теоретическим обоснованием мировоззрения: динамические изменения последнего всецело зависят от историко-культурной динамики. Культура, философия и наука всегда взаимосвязаны и ориентированы на выработку системы воззрений на мир и место человека в нем. В разных культурах, в разные времена и в разных случаях действовали свои национальные механизмы названной триады. Собственно, это и предполагает учет национального своеобразия различных культур мира, которое во многом определялось всем ходом исторического процесса. На наш взгляд, выявление специфики социально- культурной динамики Беларуси, с учетом взаимосвязи её с философией, должно проходить через проекцию историко-культурной периодизации. Это дает возможность исследователю не ограничиваться локальной территорией культуры, а комплексно подойти к изучению национальных особенностей через призму общеевропейского наследия. Так, первичным мощным стимулом развития белорусской культуры и цивилизации было принятие христианства. Новая религия изменила мировоззрение населения, содействовала объединению белорусских зе-

мель, становлению государственности, укреплению международного положения и др. В середине XIII–XIV вв. все земли Беларуси постепенно вошли в состав полиэтнического феодального государства – ВКЛ. Доминирующее демографическое положение Беларуси в границах ВКЛ и высокий уровень культуры белорусов определили повсеместный характер распространения их языка. Язык белорусского народа XIV–XVIII вв. называется старобелорусским. Он был в то время официальным государственным языком ВКЛ, на нем велось делопроизводство, писались статуты, грамоты, постановления сейма, летописи, хроники, литературные произведения. Он был средством общения между восточнославянским населением и литовцами. Наличие сильного государства гарантировало благоприятные внешние и внутренние условия жизни населения. Многие крупные города Беларуси в XV – начале XVI вв. добились магдебургского права. С общеземского привилея 1447 г. ускорился процесс законодательного оформления феодализма. Формировались основы культурной, языковой консолидации основного населения Беларуси. Это проявлялось:

- 1) в формировании нового мировоззрения, ментальности, восприимчивости к новым интеллектуальным, политическим, этносоциальным и конфессиональным тенденциям;
- 2) в утверждении нового уклада жизни;
- 3) в возрождении античного наследия в культуре для утверждения новых идеалов и взглядов.

В конкретных сферах духовной жизни Беларуси эти тенденции отражались прежде всего в книгопечатании, светской литературе, общественно-политических взглядах, общегосударственном праве, образовании, изобразительном искусстве, монументальной архитектуре; в социально-культурном смысле – в ренессансных формах жизни и быта, формировании новых центров городской культуры, меценатстве, расширении международных культурных связей, овладении науками, языками и рыцарским искусством. Начало белорусского книгопечатания связано с деятельностью выдающегося белорусского деятеля, мыслителя-гуманиста Франциска Скорины (ок. 1490–1551 гг.). Он издал в Праге 23 книги Ветхого завета на литературном белорусском языке. Позже он организовал в Вильно первую на белорусской земле и во всей восточной Европе типографию и издал 2 книги: в 1522 г. – «Малую подорожную книжицу», в 1525 г. – «Апостол». Скорина понимал народ как целостную общность, объединенную происхождением, исторической судьбой, языком. По его мнению, в понятие идеального гражданина входит мужество, справедливость, высокая духовность. Философские позиции Ф. Скорины носили явно выраженный антропоцентричный характер и, в целом, совпадали с традицией Ренессанса. Ученый рассматривал человека как существо разумное, нравственное и общественное. Утверждая, что каждый человек от рождения имеет равные права, Ф. Скорина акцентировал внимание на вопросах его внутреннего

совершенствования, смысла жизни и достоинства, свободы, гражданской активности, общего и индивидуального блага. Ученый пересматривает средневековую христианскую доктрину смысла человеческого существования, где земная жизнь не представляет самоценности, а является только этапом к жизни вечной. Рассуждая о смысле жизни, он подчеркивает многообразие жизненных позиций и ценностных ориентации человека. Сочувственно относясь к реальной нравственности человека, Ф. Скорина противопоставляет ей мораль как сферу должного, направляет «посполитого» человека на активную общественно полезную жизнь. Он считает, что люди от рождения наделены одинаковыми задатками. О человеческом достоинстве надо судить не по происхождению, а по нравственно-интеллектуальным качествам, по тому, какую пользу принес тот или иной человек «отчизне своей». В целом, XVI век – время пробуждения общественно-политической мысли Белоруссии. Целый ряд философов – гуманистов (Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный) актуализировали христианско-гуманистические ценности, стремясь их сделать достоянием всего белорусского народа. Преемником традиций Скорины стал Сымон Будный. Он издал напечатанные на белорусском языке учебные и полемические произведения: «Катехизис», «Об оправдании грешного человека перед богом» и др. Особенностью литературы и искусства этого времени стало вытеснение собственно религиозных трактатов историко-полемическими и светскими произведениями. Н. Гусовский издал на латыни поэму «Песня про зубра». На белорусский язык переводились произведения европейских народов, что свидетельствует о расширении культурных связей. На территории Беларуси стали возводить строения в готическом стиле. Наиболее известными готическими памятниками Беларуси являются Троицкий костел XV в. Католические и православные храмы явились также высочайшими образцами европейского зодчества. Свод законов Великого княжества Литовского, составлявший правовую основу государства, является по сегодняшний день классическим образцом юридического законодательства. Первый Статут, состоящий из 13 разделов, был издан в 1529 году. Статут регламентировал вопросы гражданского, уголовного и процессуального права. Второй Статут был издан в 1566 году и отражал социально-экономические и политические изменения. Третий Статут был издан в 1588 году и действовал на территории ВКЛ до полной его отмены в 1840 году. Памятники права ВКЛ до сих пор не утратили общеевропейского значения. Как известно, культурные процессы включают в себе не только новые культурные образцы, но и усвоение опыта других народов, способность мирного сосуществования с сопредельными культурами. Взаимосвязь и взаимообогащение европейских и белорусской культуры было очевидным историческим фактом. Важнейшим событием эпохи средневековья для Белой Руси стала замена языческой идеологии христианской. На ее территории эта замена имела свою специфику – распространение христи-

анства шло сразу по двум ветвям – православие и католичество. Эта тенденция прошла через всю историю белорусского этноса, существенно повлияв на формирование его мировоззрения. Однако, несмотря на то, что принятие христианства способствовало укреплению более развитых экономических отношений, все же усугубившийся раскол на территории ВКЛ между православием, католичеством, а затем и протестантизмом породил сложные взаимоотношения между этими конфессиями. Многовековое мирное сосуществование всех трех ветвей христианства, а затем присоединившихся других религий содействовали формированию «пресловутой» толерантности как национальной черты характера белорусов. Особенностью литературы и искусства стала также поликонфессиональность: наряду с религиозными православными произведениями, существовали католические, протестантские и униатские. Различие религиозных взглядов сказалось на жанровых особенностях различных видов искусства. Так, в литературе появилось большое количество полемических произведений.

На развитие белорусской культуры в XV–XVIII вв. существенное влияние оказали идеи европейского Возрождения, и этот процесс был взаимообусловлен. Исходя из исторического факта, на формирование и развитие белорусской национальной культуры также повлияли главные исторические события: принятие христианства, ВКЛ, три раздела Речи Посполитой, восстание 1794 г., 1830–32 гг., 1863–64 гг., революционные события 1905, 1917 гг., Первая и Вторая мировые войны. Ретроспективный взгляд на историю культуры Беларуси в достаточной мере подтверждает тезис о том, что культура не может быть принята, если ее рассматривать абстрактно, вне истории.

В целом культурная традиция Беларуси развивалась во взаимосвязи с европейской и подарила миру такие имена как Ф. Скорина, Н. Гусовский, С. Будный, С. Полоцкий, К. Лыщинский и многих других просветителей-гуманистов. Именно этот период времени явился своеобразным завершением христианской культуры и в то же время ее оппонированием. Белорусский ренессансный гуманизм развивался в тесной связи с Реформацией. Это время резкого падения доверия к католической церкви, время очевидного кризиса доминиканской культуры. На смену церковному авторитету, теоцентризму приходит авторитет античности.

XVII–XVIII вв. социально-политические процессы в Беларуси были достаточно сложными. Отличительной чертой развития культуры Беларуси было усиление в первой трети XIX в. ее полонизации. Это было обусловлено политикой императора Александра I, которая была направлена на становление польской государственности, и нашла поддержку среди польского магнатства и полонизированной шляхты. Польский язык был языком абсолютного большинства образованного населения, языком просвещения, литературы и театра... Обучение в ряде учебных заведений велось на польском языке.

Особенно активно действовала Полоцкая иезуитская коллегия, которой в 1812, указом царя, была присвоена степень Академии. Тем не менее, перемены в общественной жизни, переход к капиталистическим отношениям привели к росту общественной и личной потребности в практических и научных знаниях, приобретению культурных ценностей. В середине и во второй половине XVIII в. в результате оживления социально-экономической жизни, внедрения элементов капиталистического способа производства, идеи Просвещения получили более широкое распространение. К наиболее видным представителям просветительской мысли Белоруссии этого времени следует отнести К. Нарбута, Б. Добшевича, М. Почобута-Одлянцко, М. Карповича, И. Хрептовича, А. Довгирда, С. Юндила, В. Яблонского, И. Еленского и др. Благодаря им в общественно-политической и философской мысли Белоруссии на смену контрреформационной схоластике пришел религиозный скептицизм. В своих трудах они опирались на достижения природоведческих наук, славянской и западноевропейской рационалистической философии. На лучшие достижения литературы второй половины 19 века, на традиции, заложенные К. Калиновским, Ф. Богушевичем, Я. Лучиной, А. Гуриновичем, опиралась и новая белорусская литература начала XX века. Развивалась она и под влиянием русской, польской и украинской литературы. Неоправданным является преувеличение влияния русской философии на белорусскую философию и культуру. Концентрация внимания на уникальности русской философии проявлялась в основном в освоении ею религиозно-практического опыта средствами и формами философствования и вела к утверждению особого пути и противопоставлению западной рациональной философии. Особо следует остановиться на советском периоде в поле зрения проблем культуры Республики Беларусь. Этот период социально-культурной жизни мало исследован. Под культурой в контексте социальной динамики того времени понималось совокупность достижений науки, искусства и литературы в соединении с культурно-просветительской работой, основанной на принципе связи культуры и политики, как важнейшем принципе социалистического реализма. Последние годы XX и начало XXI в. ознаменовались сменой монополистической парадигмы в реконструкции социальной динамики культурных процессов на разнообразные подходы к изучению культурной традиции. Одной из значимых теорий в рамках нашего исследования выступает теория идентичности; оправданное стремление и реальная необходимость подобных исследований призваны не только отразить актуальное состояние данных процессов, но и выявить основные тенденции их развития с целью, продуктивного социального прогнозирования.

Теоретическая и эмпирическая разработка проблем идентичности и идентификации имеет сравнительно недолгую историю, которая обычно исчисляется от середины двадцатого века и традиционно соотносится с общепсихологическими и социально-психологическими исследованиями.

Вместе с тем, анализ научных источников показал, что в неявном виде проблема идентичности издавна разрабатывалась в контексте философского знания. Прогнозирование социальной динамики любого государства в современном мире напрямую связано с глобализацией. Глобализация, как объективный процесс, во многом определяющий контуры будущего мироустройства и сопровождающие его активные интеграционные и коммуникативные процессы, со всей отчетливостью обнажила проблему субъектов становящегося миропорядка. В связи с этим нельзя не признать, что национальные государства утрачивают статус не только «единиц выживания», но и доминирующих субъектов мировых политических, экономических и культурных процессов – все активнее эти функции принимают на себя военно-политические блоки, экономические союзы. Совершенно очевидно, что обратной стороной отмеченных процессов и тенденций становится снижение значимости национальных оснований идентичности личности, ослабление чувства принадлежности индивида к определенному государству, обществу и культуре; все чаще можно слышать о транснациональности и двойном гражданстве. Вновь как ценность провозглашается космополитическая идея «человека мира». Вместе с тем, формирование некой «сверхнациональной» или «транснациональной» идентичности носит болезненный и противоречивый характер, о чем свидетельствует целый ряд этническо-национальных конфликтов, которыми ознаменовалась вторая половина XX века и начало XXI века. Этот объективный конфликт идентичностей в различных формах, в том числе скрытых, присутствует во всем мире. Вопреки вестернизации и популяризации мультикультурализма, в национальных культурах разных стран возникли и окрепли охранительные тенденции. Во Франции под влиянием консолидированного этнического протеста государство принимает программы по защите чистоты национального языка. В благополучных Австрии и Австралии отмечается рост ксенофобии. Европа стремится (в явном противоречии с транслируемой в страны Восточной Европы идеологией «открытого общества») закрыть свои границы для азиатских и восточноевропейских мигрантов. В ряде европейских стран отказ от национальной валюты (национальной символики) в пользу евро (транскультурного символа) и от национальных Конституций в пользу общей европейской Конституции вызвал активный протест населения.

Тем не менее, приходится признать, что к началу третьего тысячелетия человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются» в связи с глобализацией культурного пространства, высокой коммуникативностью, плюрализацией культурных языков и кодов. Осознавая и переживая свою принадлежность к пересекающимся макрогрупповым множествам, человек стал носителем сложной, множественной идентичности. Этим обстоятельством обусловлен тот факт, что у современного человека остается все меньше

оснований воспринимать и идентифицировать те или иные социальные общности как «чужие» и тем более враждебные. Вместе с тем, все чаще и тревожнее обсуждается проблема кризиса, «дрейфа» или «утраты» идентичности, ставшая важной темой теоретических и эмпирических исследований «глобальных воителей». Они имеют в виду религиозные сообщества и транснациональные корпорации (Э. Тоффлер); позиционируют появление новых «монопольных» субъектов глобального человеческого сообщества, предвещая «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон) и «столкновение фундаментализмов» (Т. Али). За многоликостью употребления идентичности стоит, разумеется, более сложная проблема, суть которой можно пояснить следующим образом. Наука о культуре исходит из факта множественности культур, их индивидуального своеобразия и уникальной самобытности. Все они равны перед наукой и каждая из них достойна научного изучения. Наука ставит перед собой задачу понять, чем одна культура отличается от другой, где проходит граница между разными культурами.

Важной проблемой исследования социодинамики культуры является исследование единой её сущности во множестве конкретных культур, развивающихся в двух плоскостях – социальном пространстве и социальном времени. В этом контексте важным является постижение культуры субъектом. В ситуации осознаваемого им культурного плюрализма перед ним встает вопрос о границе между культурой, которую он считает своей, и чужими для него культурами. Очевидно, что связь с собственной культурой автоматически не гарантирована. Можно быть белорусом по крови и не быть им по культуре. В связи с этим встает вопрос о границе между культурой как объектом познания и той, к которой принадлежит познающий субъект. Обычно своей культурой называют ту, с которой человек связан своим происхождением, местом проживания, воспитанием, языком, на котором он говорит и мыслит, традициями, сохранившимися в его памяти. По словам Д. С. Лихачева, одна из величайших основ, на которых зиждется культура – это традиции и память. Этот тезис, на наш взгляд, недостаточно полно отражает всю специфику познания культуры определенным субъектом. В культуре мы связаны не только с прошлым, но с настоящим и будущим. Наши надежды, цели и идеалы имеют для нас не меньшее значение, чем традиции. Особенно это характерно для современного человека, которого трудно ограничить одним прошлым. В прошлом многое приходится переосмысливать, со многим не соглашаться, заимствовать у других культур, так как в культуре других народов мы можем находить для себя нечто интересное и полезное. Граница между своей и чужой культурами устанавливается тем самым не силой внешнего принуждения, а силой свободного выбора субъекта. Тем самым она предначально задана не субъекту, а им самим. Всеобъемлющая глобализация предполагает исчезновение межцивилизационных различий через унификацию народов, а это означает, что глобализация покушается на суверени-

тет государства, национальную культуру и ее традиции, на человека как субъекта культуры. Философская идея культуры позволяет придать множеству культур систематическое единство. Она служит для культурной систематики и типологии необходимым основанием, позволяет представить разные культуры в их взаимной связи и последовательности. Пожалуй, главным вопросом современности – это вопрос о том, что считать современным в культуре и как это понимать. Для решения проблем национальной и духовной безопасности белорусское государство в порядке самосохранения должно опираться на вековые созидательные традиции собственной культуры.

Для новой теории культуры, на наш взгляд, первичным должно стать теоретическое обоснование происходящих процессов и тенденций с учетом всей полноты культурных фактов. Такая теория должна сопоставлять внутренние противоречия, оценивать культурные явления с различных точек зрения. Это позволит воссоздать культурно-исторический процесс во всей его многогранности.

II. NATIONAL-ETHNIC AND UNIVERSAL CONTENT OF CULTURE

КОНЦЕПТ *ОХОТА* В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННЫХ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ

И. В. Ерофеева

*Доктор филологических наук, доцент,
Забайкальский государственный
университет,*

В. Н. Бочарников

*г. Чита, Россия,
доктор биологических наук, профессор,
Тихоокеанский институт географии,
Дальневосточного отделения
Российской Академии Наук,
г. Владивосток, Россия*

Summary. The paper presents linguocultural analysis of discourse of magazines *Osnovnoy instinkt*, *Russkiy okhotnichiy zhurnal*, *Safari*. The method we applied involved the analysis of more than 70 media texts of different genres published in 2013–2017, and determination of the main frames in conceptual sphere of ‘hunting’ as a geographical space which is in demand, as a social and cultural construct reflecting the hunter’s needs in direct and indirect contexts.

Keywords: hunting; concept; media text; national model of the world; self-actualization.

Медиадискурс об охоте – с одной стороны, контент для узкой заинтересованной аудитории, с другой стороны, сама охота является неким символическим пространством, исходные смыслы которого "потеряны" в далёком прошлом. Она предстаёт уникальным феноменом современности, в своём "длении" имеющим историю соизмеримую с существованием не только человека, но и всего живого. Охота продолжает существовать как глубокая идея, выражающая базовый биологический смысл жизни – необходимую агрессивность и адаптацию к окружающей среде, что не всегда осознаётся, но бессознательно репрезентируется в языке современного человека.

Создание и восприятие медиатекста неразрывно связаны с проблемой интерпретации действительности. В рамках современной когнитивной лингвистики [1; 5; 6] концептуальное поле текста есть результат творческой работы языковой личности автора, которая в процессе восприятия и интерпретации действительности использует сложившиеся в течение длительного времени когнитивные модели национальной культуры. Широкий пласт реальности создатель текста делит на части, концептуализирует, вы-

деляет наиболее актуальные элементы, соответствующие его персональным представлениям и обусловленные национальной картиной мира.

А. Вежбицкая указывает на особую значимость ключевых слов для отдельно взятой культуры, и таковые «могут анализироваться как центральные точки, вокруг которых организованы целые области культуры» [1, с. 283–284]. Данные центральные точки представляют собой ни что иное, как языковые стереотипы, характерные для определённой нации и культуры, при активизации которых в мозгу человека высвечивается вся когнитивная карта, семантическая сеть, позволяющая обозначить специфические черты того или иного понятия.

Целью исследования является лингвокультурологический анализ концепта «охота» в дискурсе специализированных журналов с точки зрения объективации доминирующих идей и смыслов данной концептуальной схемы. Эмпирическую базу исследования составили более 70 текстов журналов "Основной инстинкт", "Русский охотничий журнал", "Сафари" (в т.ч. "Магия настоящего сафари") за 2003–2017 гг. Общий объем выборки – 141 номер.

В качестве объекта анализа был выбран лингвистический инструментарий общего медиатекста – целостные образы (гештальты) текста, а также художественно-публицистические средства: метафоры, сравнения, гиперболы, ирония и другие тропы, акцентирующие вторичные смысловые оттенки концепта, расширяющие выделенные конструктивные рамки, демонстрируя многоаспектность и многозначность феномена охоты. Несмотря на различие указанных оснований анализа, объединяющим фактором выступила нравственно-эстетическая составляющая, раскрывающая моральные и нормативные аспекты отношения к охоте.

Этимология слова «охота» берёт свое начало в восточно-славянской ветви, корневая система слова подчёркивает сему «*хотеть*», «*хочу*» (укр. «охОта», польск. «ochota» – охота, воля, веселое расположение духа»). В данном контексте *охота* есть состояние страстно желающего человека, его ярко выраженная склонность или стремление, слепая любовь к занятию. Слово образовано от утраченного «хота» – желание. В этимологических словарях высказывается предположение, что это слово – табу; отправляясь на промысел, наши предки-язычники считали опасным предупреждать добычу, боялись спугнуть зверя и говорили, что уходят на охотное и желаемое дело. Данная идея определила вектор развития семантического поля слова «охота».

В научных статьях современных исследователей [3; 4; 7] подчёркивается национальное своеобразие концептуального поля *охоты*. Данный концепт включает в себя идею значимости и ценности отечественной жизни, её природы, культуры, истории и судьбы каждого человека. Конструкт *охоты* неразрывно связан с конструктом *природа-земля*, их несомненная взаимозависимость обуславливает некую универсальность концепта *охо-*

та, раскрывающую потенциал самого человека и дающую возможность рассматривать охоту как этнокод *Homo Sapiens*.

Охота для человека равна природе, и для того, чтобы добывать, как и выживать, человеку требуется совершить особое деяние – заключить договор с пространством. Человек взаимодействует с пространством и временем непрерывно на протяжении всего своего существования. Пространственность заложена в человеке, он должен быть «внутри» места, как бы погружённым в него, чтобы иметь возможность наделить его смыслом.

Концептуальное поле *охоты* демонстрирует условие договора человека с пространственным континуумом, раскрывает его глубокое понимание мира и самого себя изнутри. ПриРОДа – когнитивная площадка для самоанализа и рефлексии. В российской картине мира отношение к субстанции земли всегда отличалось особым трепетом. На Руси говорили «Государь – батька, земля – матка», народный заговор гласил: «Ты, небо-отец, ты земля-мать». Землём клялись, кладя её себе на голову. Перед землём винились за то, что рвут её грудь сохой. У земли праздновались именины – на Симона Зилота (10 мая). Уже в «Повести временных лет» живое существо земли представлено как «рождающее начало», как источник всего сущего, сакральная близость человека и природы нашла отражение в многочисленных произведениях русской литературы и живописи. Образ матери – сырой земли (женственной березки, могучего дуба и т.д.) встречается в былинах, пословицах и сказках, знакомых каждому с детства. В нашей национальной картине мира бесконечный простор российской земли никогда не сужался до уровня географического объекта. Потребность души нашего человека не просто творить на земле, а страдать и мучиться на духовных дорогах земного бытия. Мать сыра-земля, природа (природина) в России, – пишет А. Гачев, – «мистическая субстанция, текст, скрижали завета, которые народ призван п(р)очитать, понять и реализовать в ходе истории на своей земле» [2, с. 217].

Обращаясь к дикой природе, человек попадает на территорию познания смыслов. Любая связь с миром – игра, в которой образы реальных предметов выступают лишь как метки и символы, дающие повод для работы фантазии, для того чтобы включилась вся память, для того, чтобы мир ожил, начал двигаться, обнаружил свою скрытую глубину, свои невидимые стороны. На природе, в этой существующей без нас естественной слаженности, человек начинает осознавать себя по-новому, он чувствует глубинное проникновение во что-то необычное. Он возвращает потерянную в социуме свою настоящую чувствительность и индивидуальность, становится способным на откровение и познание сокровенного. В общем медиатексте концепт *охота* предстаёт как определенный социально-культурный конструкт.

Результаты исследования показали, что ключевым образом, аккумуляющим когнитивный инвентарь концепта, является личность охотника,

в качестве ядерного конструкта выступает сема "пробуждения личностного потенциала посредством охоты", узнавание и открытие себя в общении с природой. Медиадискурс об охоте демонстрирует рефлексию человека о важных категориях его бытия, раскрывает отношение человека к себе и другим. Личность и охота непременно связаны через категории творчества и свободы, а также – непреодолимой дихотомией жизни и смерти. Охота как концепт раскрывает различные уровни насущных потребностей человека, опредмечивает источники его активности как личности, отражает иерархию ценностей конкретного человека и в целом общества – некоторые единые убеждения, идеалы, склонности и интересы.

В результате концептуализированная схема «охота» состоит из ряда фреймов многопланового характера: рекреационного (охота как вид досуга и отдыха); природного (охота как базовая потребность в пище, защите, в реализации агрессивного инстинкта – выслеживание и преследование дичи); социального (охота как социальная занятость, как демонстрация определенного статуса, как профессия, приносящая доход); культурного (охота как ритуальное действие, как традиция отдельных народностей).

В исследовании при семантическом анализе интервью было выделено 134 выражения, которые репрезентировали потребности человека. Почти четверть от всех высказываний было связано с потребностью в уважении и самоуважении, а также с социальной потребностью человека, с чувством любви к самым близким (родителям, дедушкам, дядям) и признательности к людям, кто был наставником в искусстве охоты.

Интервьюированные рассказывают об уникальной роли охоты, значительно обогащающей их жизнь. Занятие охотой погружает в первозданный мир природы, пробуждает детские чувства восхищения красотой многогранной земли, является живительным источником новых смыслов, идей и решений, она открывает истинные возможности человека. По меткому замечанию одного из интервьюируемых: *"Охота укрепила мое понимание того, что мир не делится на чёрный и белый"* (Основной инстинкт. 2011. № 1–2. С. 62). Охотники называют это чудом – настоящим слиянием с миром, глубоким пониманием его изнутри. Охота в дикой природе меняет человека физически, развивает его социально и ментально. В противовес мнимой свободе современной цивилизации, через конфликт с прагматическими интересами мегаполиса, природа воспитывает мудрую цельность в стилистике чистого «возДУХа». Герои медиатекстов признаются: *"Охота в моей жизни потянула за собой целую цепочку вещей. Не могу сказать, что в обычной жизни увлекаюсь фото- и видеосъемкой. А на охоте у меня всегда и видеокамера, и фотоаппарат ... Фото и видео в свою очередь вызвали желание овладеть компьютером, а это соответственно, повлекло за собой фотоальбомы и короткометражные фильмы, которые мы сами делаем"* (Основной инстинкт. 2012. № 3. С. 63).

Преобладающий медиатекст специализированных журналов об охоте репрезентирует традиционные смыслы концепта "охота", обнажая смысловые нюансы данного феномена. Осуществлённый лингвокультурологический анализ медиатекста, постулирующий неразрывное единство языка медиапроизведения и национальной картины мира, подчёркивает ментальную востребованность и актуальность репрезентированных смыслов концепта «охота» для языковой личности автора медиатекста, героя интервью и потребителя.

Охота представляет собой этнокод, знаковую реалию культуры человека, некую систему регулирования поведения человека на основании его ценностей. Охота – один из убедительных примеров и ярких форм преодоления слабой природы тела и усиления духовных способностей человека. Синергетика *охоты* объединяет тело и дух, культ «технэ» (в его настойчивых обращениях к использованию особого вида оружия, снаряжения, техники, особой одежды) и вечного горячего желания постигнуть истину жизни особым «радарным» отзвуком природы.

Библиографический список

1. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М. : Русские словари, 1996. – 408 с.
2. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. – М. : АCADEMIA, 1998. – 430 с.
3. Жилиякова Э. М., Хохлова Н. А. Концепт Охоты в «Записках ружейного охотника Оренбургской губернии» С.Т. Аксакова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 3 (23). – С. 52-62.
4. Зарезина С. Н., Дударев Д. В. Содержание концепта «Russian hunting» в языковой картине мира американцев // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 1. – С. 94-99.
5. Карасик В. И. Языковые ключи. – М. : Гнозис, 2009. – 406 с.
6. Петров М. К. Язык, знак, культура. Изд-е 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 328 с.
7. Целыхова Е. К. Особенности отражения языковой картины мира в охотничьем подязыке // Вестник Московского государственного педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2009. – № 1. – С. 113-118.

III. FEATURES OF THE GLOBALIZATION OF CULTURAL PROCESSES

ИСЛАМ И ХРИСТИАНСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОБРАЗОВАНИЯ В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Н. А. Медушевский

*Кандидат политических наук, доцент,
Российский государственный
гуманитарный университет (РГГУ),
г. Москва, Россия*

Summary. The population of the African continent is increasing every year. Together with it, the number of supporters of the two key religions – the Christianity and Islam - is growing. Christianity in the region seems to be quite a positive force, as in most cases it contributes to education and progress of the society. Islam is increasingly gravitating towards conservatism, which sometimes is reflected in the creation of radical Islamist organizations.

Keywords: Islam; Christianity; education; social development; radicals.

Сегодня Африка южнее Сахары представляет собой достаточно разрозненное пространство, несмотря на то, что на континенте действует целый ряд союзов и международных организаций. В их числе Африканский союз (African Union), Африканский банк развития (АБР) (African Development Bank), Новое партнерство в интересах развития Африки (НЕПАД) (New Partnership for Africa's Development (NEPAD)), Сообщество стран сахель-Сахарского региона (Community of Sahel-Saharan States), Восточноафриканское сообщество (Восточно-Африканская Федерация) (East African Federation), Экономическое сообщество стран Восточной и Южной Африки (Common Market for Eastern and Southern Africa), Сообщество развития Юга Африки (Southern African Development Community), Экономическое сообщество стран Центральной Африки (ЭКОЦАС) (Economic Community of Central African States (ECCAS)) и др.

Причины разобщенности кроются в историческом прошлом региона. Так, в период колониализма территории континента были фактически искусственно разделены между европейскими державами, которые совершенно не занимались развитием региона, а только вывозили ресурсы. После 1960 годов страны Африканского континента постепенно получают независимость и начинают формировать собственную государственность, которая в большинстве случаев представляет собой комбинацию формально демократических институтов и деспотических традиционных политических практик. В определенной степени деспотическая форма правления дает возможность региональным режимам законсервировать политическое

развитие на десятилетия, однако в ряде случаев, следствием этого становятся разрушительные этнополитические конфликты, например конфликт в Руанде в 1994 году, когда погибло, по приблизительным подсчетам от 500 тысяч до 1 млн. человек [2].

Одним из факторов становления национальных обществ и целых государств, становится религиозный фактор, значение которого неоднозначно. Так, к примеру, на территории Нигерии и еще ряда государств, в последние годы действует исламистская радикальная организация Бoko Харам. Христианскую церковь, также популярную в регионе, тоже обвиняют в преступлениях, в том числе связанных с уже упомянутым конфликтом в Руанде [1].

Тем не менее, религия и религиозный фактор являются интегрирующим фактором транснационального масштаба, который способствует объединению народов Африки в большей степени, чем союзы и международные организации. По оценкам аналитиков, уже к 2060-му году в Африке будет проживать до 40 % христиан на планете [3].

Этот сдвиг в региональной концентрации христианского населения обусловлен сочетанием демографических факторов и миграции. Показательно, что население региона относительно молодое – около 30–35 лет и имеет больше детей, чем их единоверцы в Европе и даже в Латинской Америке. Как следствие это способствует прогнозируемому быстрому росту численности населения определенной конфессии и росту религиозного авторитета региона.

Тем не менее, христиане – это не единственная группа, испытывающая рост. В регионе также наблюдается интенсивное увеличение мусульманского населения. Между 2015 и 2060 доля всех мусульман, проживающих в регионе, вероятно, возрастет с 16 % до 27 %.

Как с христианством, рост мусульманских общин в регионе обусловлен в основном высокой рождаемостью и относительно молодым возрастом населения в регионе. При этом ожидается, что в перспективе до 2060 года уровень перехода из ислама в христианство и наоборот останется достаточно низким, чему способствует высокая степень традиционности местных сообществ и доминирование неформального запрета на вероотступничество.

Исследователи, в том числе аналитики американского центра «Pew research», большинство рисков развития региона связывают, прежде всего, с ростом числа мусульман [4]. С их точки зрения это обусловлено более высокой степенью консерватизма Ислама, который в отдельных трактовках вступает в конфликт с западными ценностями, включая здравоохранение и образование. Так, например, мусульмане в два раза чаще, чем христиане не имеют школьного образования.

Статистика показывает, что уровень первичного образования среди христиан в возрасте старше 25 лет составляет 70 %. Для мусульман этот

показатель гораздо ниже и не превышает 35 %. При этом данный разрыв носит хронический характер и сохраняется уже на протяжении длительного времени, хотя в последние годы отмечается незначительное повышение образованности среди мусульман.

Об этой тенденции говорят следующие цифры. В возрастной группе 55–74 года, уровень грамотности у христиан составил 49 %, а у мусульман только 21 %, однако, в возрастной группе 25–34 лет, уровень образования у христиан составил 77 %, а у мусульман – 43 %.

Разрыв в степени образованности наблюдается в 18 из 27 африканских стран к югу от Сахары. Наиболее явно разрыв проявляется в Западной Африке. К примеру, в Нигерии, где мусульмане и христиане составляют приблизительно по 50 % населения, школьное образование имеет менее 40 % мусульман и 75 % христиан. Вероятно с этим фактором, в том числе, связано развитие в регионе радикального ислама и создание организации Бoko Харам, название которой переводится как «против образования».

В отдельных африканских государствах уровень образования мусульман относительно высок, однако здесь речь идет о незначительных меньшинствах, проживающих в Бурунди, Руанде, Мадагаскаре и ЮАР.

Одно из предположений исследователей вопроса гласит, что уровень грамотности обоснованно различается между конфессиями, что связано с гендерной спецификой, в соответствии с которой мусульманки лишены права на образования и воспитываются в семье. Это предположение верно, но лишь от части, так как, действительно, 72 % мусульманских женщин не имеет образования, но в тоже время его не имеет и 57 % мужчин-мусульман.

При этом все исследователи вопроса сходятся в том, что более высокий уровень грамотности христиан является следствием развития образовательных практик миссионерами в период колониализма. В практике исламизации подобной миссионерской практики не было, и более того, образование в глазах многих африканских мусульман ассоциируется с негативными моментами колониализма и отрицается как нечто чуждое.

Резюмируя разобщенность между христианами и мусульманами на территории Африки южнее Сахары, можно констатировать, что уровень образованности в последние годы становится важным фактором развития территорий и, соответственно, люди, обладающие образованием, более востребованы на рынке труда и занимают привилегированную социальную нишу. Если предположить, что имущественное разделение накладывается на религиозное разделение, то очевидно, что в африканской практике это может привести к социальному взрыву, даже более значительному, чем конфликт 1994 года в Руанде.

Библиографический список

1. Dictionary of Genocide, Volume 2: M–Z. – Westport, CT: Greenwood Publishing Group, 2008.
2. Genocide archive of Rwanda. URL: http://genocidearchiverwanda.org.rw/index.php/Welcome_to_Genocide_Archive_Rwanda
3. McClendon D. Sub-Saharan Africa will be home to growing shares of the world's Christians and Muslims. 19.04.2017. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/04/19/sub-saharan-africa-will-be-home-to-growing-shares-of-the-worlds-christians-and-muslims/>
4. McClendon D. Muslims in sub-Saharan Africa are twice as likely as Christians to have no formal education. 14.12.2016. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2016/12/14/muslims-in-sub-saharan-africa-are-twice-as-likely-as-christians-to-have-no-formal-education/>

ОТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ К РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

А. А. Пустарнакова

*Кандидат социологических наук, доцент,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Россия*

Summary. The article is devoted to the analysis of the attitude to Russian culture in the context of the processes of globalization. Despite global trends, unification and Americanization, for students of Samara University, according to our research, Russian culture retains its significance. Students are interested in Russian traditions and continue to observe them at the level of everyday practice.

Keywords: ethnicity; globalization; Russian culture.

Мир современного молодого человека, проживающего в России, собственно так же, как и в любой другой части планеты, где активно происходят процессы глобализации, наполнен многонаправленными векторами взаимодействия с этническими ценностями, традициями и культурами в целом. Благодаря новым информационным технологиям и интернету распространяются единые глобальные ценности и формируются новые стили жизни, но в этих глобальных практиках все еще сохраняются этнокультурные различия, которые играют значимые роли в жизни современных людей. Глобализация кардинальным образом меняет российскую действительность и представление о русской культуре, но не может стереть ее с лица земли, не в состоянии заставить даже молодое поколение отказаться от традиционных этнических ценностей.

В социальных науках наиболее распространенным является рассмотрение глобализации в контексте потери связи с прошлым, традициями,

национальными и этническими культурами. Это процесс связывается с американизацией массовой культуры, распространением попкультуры, визуальной культуры, интернета, гомогенизацией культуры. К издержкам глобализации относят универсализацию, стандартизацию личности, интеллектуальную деградацию, порожденные массовой культурой. По мнению ряда исследователей, проблемы глобализации в своем культурном аспекте сопровождаются нивелировкой национальных культур, и в этом смысле глобализация угрожает русской идентичности [1].

С другой стороны глобализация может приводить к фрагментации и локализации. Как считает Э. Тоффлер, о глобализации в культуре говорить рано, сегодня мы имеем дело с универсализацией культуры. В современных условиях формирование постиндустриального общества скорее содержит некоторые предпосылки, тенденции глобализации, нежели реализует их в действительности, т. е. у процесса глобализации есть естественные ограничители. Оформившихся процессов глобализации в обыденной реальности на данном этапе не наблюдается, в большинстве случаев мы сегодня наблюдаем сохранение традиционных стереотипов и нормативности. Разные культуры оказываются различными сторонами установления границ с иным, другими или чужими.

Эпоха глобализации в ее американо-американском варианте означает вспышку просветительской парадигмы, т.е. новой нечувствительности ко всему предшествующему культурному опыту. Не случайно эта вспышка культивируется Америкой, для которой исторический опыт – пустой звук. Однако, как это ни покажется странным, но та же самая эпоха глобализации спровоцировала и сделала актуальной действие романтической парадигмы – внимание к культуре, т.е. к предшествующему опыту [2, с. 86].

И можно сказать, что сегодня в глобальном масштабе развивается новая политическая архитектура, основанная на границах не национальных, а этнических культур. Современный период является временем своеобразного этнокультурного ренессанса. Этническое самосознание проявляет себя наиболее остро в цивилизационном противостоянии, в конфликтах, но также наблюдается тесная связь этнического возрождения с экономическими, культурными, социальными процессами. Традиции становятся регулятором человеческой деятельности, обряды, ритуалы, образцы художественной культуры используются в качестве ориентиров на уровне повседневных поведенческих практик.

Глобализация культуры, порождающая мощные кросскультурные потоки информации, сильнее всего воздействует на молодежный менталитет. Студенческая молодежь – это наиболее “продвинутой” частью общества, она активно пользуется интернетом, много времени проводит за компьютерами, за гаджетами, является частью современного глобального мира, для которой традиционные, этнические ценности, казалось бы, должны быть уже не настолько интересны и значимы. Ориентируясь на глобальные американ-

ские ценности, не забывают ли русские студенты о своей национальной идентичности? Важна ли для них национальная культура? Для ответа на этот и некоторые другие вопросы, нами было проведено социологическое исследование. Его целью было изучить отношение студентов к русской культуре в контексте глобализации (на примере студентов Самарского университета).

В качестве метода мы использовали полужформализованное интервью. Всего было опрошено 20 человек. Это были студенты разных курсов и специальностей социогуманитарного института Самарского университета. Среди опрошенных были социологи, экономисты, юристы и филологи. Было опрошено равное количество мужчин и женщин. Гипотезой исследования стало предположение о том, что в жизни студентов, которые являются наиболее современной частью российского общества, владеющей знаниями о новых информационных технологиях, использующей гаджеты и интернет в повседневной жизни, ориентирующейся на глобальные американские ценности, русские традиции и русская культура перестает играть какую-либо значимую роль.

Надо отметить, что все опрошенные отнесли себя к «русским», в ответ на вопрос о том, к какой «национальной группе они себя причисляют». Таким образом, мы можем в данном исследовании говорить о студентах с русской этнической идентичностью. Возможно, у представителей других национальностей, мнения бы отличались. Так же не было установлено различий в ответах между мужчинами и женщинами.

В результате анализа данных интервью, всех опрошенных мы разделили на три группы – те, для кого русская этническая идентичность и этнические различия не важны; те, кто нейтрально относится к этническим различиям и своей этнической идентичности; и те, для которых является важной их принадлежность к русскому народу и соблюдение его традиций в повседневной жизни.

Первая группа оказалась немногочисленной, 5 человек из 20 опрошенных. Для них не важна культура своего народа, их не интересует будущее своего народа, они не соблюдают национальные традиции, не готовят национальные блюда, не руководствуются русскими традициями в повседневной жизни. Они не испытывают неприязни к людям других национальностей и считают, “что все люди равны и заслуживают одинакового к себе отношения”. На вопрос, важна ли для вас русская культура, представители данной группы дали отрицательные ответы: “не важна, национальная культура – это пережиток прошлого”, “человека из России понимают везде, не важно, кто ты по национальности, русский или татарин, ты просто современный человек, который знает английский и все его могут понять”. Таким образом, можно сказать, что в жизни респондентов, отнесенных к данной группе, русская культура не играет никакой роли.

Вторая группа (8 человек) – это те студенты, мнения которых были противоречивыми. В каких-то вопросах, они склонялись к тому, что русская культура и традиции не важны для молодого человека, в каких-то аспектах отмечали значимость и важность наличия знаний о своей культуре, о культуре русского народа, о традициях, ценностях материальной и духовной культуры: “русские традиции я не соблюдаю, можно сказать, вообще, но думаю, что они важны будут, когда я буду выходить замуж, в семейной жизни, может быть”; “так-то я особо не соблюдаю русские традиции, не вспоминаю о них, но не люблю нерусских, мне приятнее общаться именно с людьми, которые знают те же традиции, что и я”. Таким образом, можно сказать, что данная группа респондентов, не отрицает того, что русская культура может играть какую-либо роль в их жизни, пусть даже не всегда.

Третья группа (7 человек), – это те студенты, для которых национальные различия и русская культура оказались важными. Они отметили, что для них важна русская культура, что соблюдают какие-либо русские традиции: “я соблюдаю в основном традиции православной культуры, которая тоже является частью русской культуры”, “я отмечаю Рождество, Пасху, участвую в крестинах; “я русская, я это чувствую где-то на подсознании и этого достаточно, чтобы любить свою культуру и свой народ”; “да, соблюдаю, конечно, недавно была Масленица, я пекла блины, мы с мамой сделали чучело масленицы и его сжигали во дворе”; “считаю, что национальные различия важны для семейной жизни, воспитания детей, для дружбы”; “считаю, что русскую культуру очень зря начинают забывать, она может помочь чувствовать себя человеком не таким, как все, со своим интеллектуальным багажом, ее нужно сохранять”. Таким образом, респонденты третьей группы признают значимую роль русской культуры в своей жизни и демонстрируют положительное к ней отношение.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что гипотеза исследования не подтвердилась. Для большинства опрошенных русская культура является в той или иной степени значимой (это 15 человек, отнесенные нами ко второй и третьей группе). Это, на наш взгляд, говорит о том, что несмотря на дискуссии об исчезновении этнических различий в современном мире, о влиянии глобализации, становлении цифрового общества и “формирования “нового поколения” современных людей, к которым можно отнести и студентов, этничность не исчезает из их жизни, а сохраняет свою роль особенно на уровне семьи, приобретает новые значения, позволяет современному человеку реализовывать потребность в духовной определенности, принадлежности к людям со схожими ценностными ориентациями и взглядами. Русская культура для русского молодого человека все еще остается важной, студенты интересуются русскими традициями и продолжают их соблюдать на уровне повседневных практик.

Библиографический список

1. Сулова Т. И. Глобализация: к вопросу идентичности русской культуры // Век глобализации. Выпуск №2(6)/2010. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130865/> (дата обращения: 24.02.2018).
2. Хренов Н. А. Судьба России в эпоху глобализации: от империи к цивилизации // Культура на ребеже XX–XXI веков: глобализационные процессы. – СПб. : Нестор-История, 2009.

IV. CUSTOMS, TRADITIONS, CELEBRATIONS AND HOLIDAYS AS FORMS OF NATIONAL CULTURE

ОТРАЖЕНИЕ ПРИНЦИПА КАРНАВАЛЬНОСТИ В СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ БРАЗИЛЬСКИХ КОМПОЗИТОРОВ XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВВ.

Л. Бекболатова

*Магистр,
Quality School International of Astana,
г. Астана, Казахстан*

Summary. This article is devoted to the issues of Brazilian academic music where symphonic creativity plays a very important role in the XX century's Brazilian composers' legacy. The best Brazilian orchestral scores not only assimilated the achievements of the modern symphonic music but also they became as a center of national and distinctive musical and artistic traditions of Brazil. The aspiration to find their way to the national development encourages Brazilian composers to a deep understanding of the historical past, the study of national traditions, one of which is the Brazilian carnival.

Keywords: Brazilian carnival; national culture; symphonic music; national identity.

XX столетие стало эпохой решительных сдвигов в социальной, общественной и культурной жизни стран Латинской Америки. С этого времени все более ощутимым и весомым становится вклад латиноамериканской культуры в мировую. Устойчивое положение симфонической музыки в творчестве бразильских композиторов связано с двумя, казалось бы, противоположными ее свойствами: способностью к быстрой реакции на изменения в общественной жизни с одной стороны, и возможностями к обобщению, к построению целостных концепций, картины мира – с другой. Многие симфонические произведения Э. Вилла-Лобоса, К. Гуарниери, Ф. Миньоне возникли как непосредственный отклик на события, только что происшедшие, как например, Революцию 1930 года (Э. Вилла-Лобос «Бразильские Бахианы» № 2, К. Гуарниери «Симфония № 1»). Исторический момент был отнюдь не только «пусковым механизмом». Давая импульс для обобщенных концепций, он выстраивал замысел, наполнял музыку определенным содержанием, острым ощущением реальности. Непосредственная связь замысла с реальностью придавала симфонической музыке характер волнующих документов эпохи, а широта обобщений – общечеловеческий смысл. С высокой философской позиции композитору открывался широкий обзор; горизонты раздвигались, и конкретное историче-

ское явление, ставшее источником замысла, оказывалось в центре целостной картины мира. Именно с таким пониманием симфонической музыки как единства конкретного и обобщенного, злободневного и общечеловеческого, мы сталкиваемся в творчестве бразильских композиторов XIX – первой половины XX века. Симфоническая музыка стала той областью, у которой есть все возможности для воплощения этих идей. Арановский писал: «Если сопоставить симфонию с любым из жанров любого вида искусства, то кроме нее не найдем ни одного, который обладал бы «объединяющей функцией» [1]. Об этой особенности симфонии писал и П. Беккер: «Симфония, опираясь на эмоционально-суггестивные возможности музыки, на аппарат оркестра, реализовала чисто инструментальными средствами одну из древнейших функций музыки – объединения людей в коллектив» [1]. Уже сам факт активного обращения бразильских композиторов к симфонической музыке, в частности, к жанру симфонии символизирует о проявлении карнавального мироощущения – в стремлении к объединению.

Рассматриваемый в статье период музыкального искусства совпал с периодом правления в Бразилии Жетулиу Варгаса, названной в истории «Эрой Варгаса» (1930–1945 гг.). Идеи единства и объединения масс против господствующего диктаторского режима, боль утраты и жажда жизни – все это отозвалось в симфонических полотнах бразильских композиторов. Эта тенденция к объединению различных произведений, написанных в разное время в один цикл, прослеживается и у Ф. Миньоне. Симфонические картины «Маракату Шику-короля и его королевы» (1933), «Бабалоша» (1936), «Батукаже» (1937) и «Аукцион» (1941) образовали единый симфонический цикл «Бразильские фантазии». К. Гуарниери объединил в один цикл симфонию № 2 «Уирапуру» и произведение для духовых и ударных инструментов «Посвящение Э. Вилла-Лобосу», общей идеей которого была дань творчеству своего гениального современника.

Касательно «карнавальности» [прим. авт.] симфоний К. Гуарниери, в статье автора Ф. Тони, посвященное творчеству композитора, приводится краткая характеристика первых четырех симфоний композитора. Особое внимание привлек абзац, посвященный Симфонии № 3: «Несколькими месяцами раньше он публикует «Открытое письмо музыкантам и критикам Бразилии», своего рода политический манифест против чуждых эстетических влияний, иными словами, направленный против использования принципов додекафонии» [5, с. 111]. Таким образом, Симфония № 3 оказалась своеобразным музыкальным подтверждением манифеста. Открывающая симфонию тема была выбрана обдуманно. Это было «тейру» – песня индейского племени паресис, живущего в штате Мату Гросу, исполняемая в связи с преждевременной смертью вождя. Эта мелодия, проходит через всю симфонию и порождает в свою очередь, побочные музыкальные темы. «Тейру» подобно карнавальной идее «умирания старого» [4; 5] пронизывает всю симфонию, тем самым порождая новое.

Определять музыкальную форму произведений бразильских композиторов является сложным процессом. Они представляют собой калейдоскоп разделов или разных кадров, объединенных в одну сложную импровизационную форму. Подобная калейдоскопичность позволяет сопоставлять яркое бразильское народное празднество, полное радости и веселья реальным картинам жизни, зачастую трагическим, тем самым продолжая идею обновления мира. Принцип калейдоскопичности является способом диалога между двумя мирами – жизнью реальной и жизнью «второй» по М. Бахтину – карнавальной. Так, во второй части «Бразильских Бахиан» № 2 (1930), Арии (*Canto de nossa terra*) в основе содержания лежит реакция субъективного (композитора) и объективного (бразильского народа) на революцию 1930 года. В крайних разделах композитор говорит от первого лица через партию виолончели соло. Главная тема виолончели трагического характера, основана на малосекундовых интонациях вздоха. Средний раздел представлен своеобразным массовым гулянием, «отдушиной» уставшего от борьбы народа. Тому подтверждение слова М. Бахтина: «Празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека. Моменты смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении» [4; 6]. Праздник для композитора являлся своеобразным уходом от действительности, возможностью надеяться на «идеальную жизнь», которую он представляет в своих бразильских разделах.

О проявлении принципа карнавальности в симфонической картине Ф. Миньоне «Маракату Шику-короля и его королевы» свидетельствует своеобразная театрализация сюжета произведения, иными словами, использование инструментальной драматургии. В основе сюжета картины лежит избрание Короля карнавала и его победный танец – маракату. В работе Дж. Мёрфи «Музыка Бразилии: отражая реальность» упоминается о карнавале Ресифи, где наряду с самбой, исполняется танец маракату. «В маракату корпус танцора почти всегда ритмично раскачивается вперед-назад. Одна из «придворных дам» королевской свиты несет в руках нарядно одетую куклу, так называемую «калунгу» – символ умершей королевы». Безудержное веселье во главе с Шику-королем передается через своеобразное женское начало (скрипки 1 и 2) и мужское (виолончель и контрабас). Оставшихся «приводных дам и кавалеров», со свойственной карнавалу «фамильярной речью» передают медно-духовые инструменты.

Таким образом, бразильские композиторы Э. Вилла-Лобос, К. Гуарниери и Ф. Миньоне, в своих симфонических полотнах отражали идеи культурного достояния своего народа – бразильского карнавала. Они как будто бы уходили от жестокой действительности (на тот момент) в поисках «счастья», которое таится в недрах родной культуры. Об этой особенности пишет М. Бахтин: «Карнавал торжествовал как бы временное осво-

бождение от господствующей правды и существующего строя» [4; 5]. Мощная стихия этого праздника стала неотъемлемой частью художественного мира композиторов Э. Вилла-Лобоса, К. Гуарниери и Ф. Миньоне.

Проявление карнавальности в индивидуальном стиле рассмотренных выше композиторов Бразилии XIX–XX вв. демонстрируют полноту отражения художественной идеи и оригинальность их музыки. И эта особенность их творчества требует особого внимания со стороны музыковедения. Ибо возможно, что сей опыт станет источником вдохновения для создания индивидуального музыкального стиля нового поколения композиторов постсоветского пространства.

Библиографический список

1. Асафьев Б. Музыкальная форма как процесс. – Л.: Музыка, 1971. – 376 с.
2. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Худ.лит., 1972. – 167 с.
3. Бахтин М. Проблема речевых жанров. // Русские словари. – М.: 1996. – С.159-206.
4. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народной культуры Средневековья и Ренессанса. – М.: Худ. лит., 1990. – 543 с.
5. Классическая бразильская музыка / Симоне С. Сильва. – М.: Глагол, 2012. – 160 с.
6. История зарубежной музыки. XX век / сост. Гаврилова Н. А. – М.: Музыка, 2005. – 572 стр.
7. История музыки Латинской Америки XVI–XX веков / Доценко В. Р. – М.: Музыка, 2010. – 368 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2018 ГОДУ**

Дата	Название
13–14 марта 2018 г.	Актуальные проблемы современных общественно-политических феноменов: теоретико-методологические и прикладные аспекты
15–16 марта 2018 г.	Социально-экономическое развитие и качество жизни: история и современность
20–21 марта 2018 г.	Гуманизация обучения и воспитания в системе образования: теория и практика
25–26 марта 2018 г.	Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований
29–30 марта 2018 г.	Развитие личности: психологические основы и социальные условия
5–6 апреля 2018 г.	Народы Евразии: история, культура и проблемы взаимодействия
7–8 апреля 2018 г.	Миграционная политика и социально-демографическое развитие стран мира
10–11 апреля 2018 г.	Проблемы и перспективы развития профессионального образования в XXI веке
15–16 апреля 2018 г.	Информационно-коммуникационное пространство и человек
20–21 апреля 2018 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2018 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2018 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2018 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2018 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2018 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2018 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2018 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2018 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2018 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2018 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2017 г.	Профессиональное становление будущего учителя в системе непрерывного образования: теория, практика и перспективы
25–26 мая 2018 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2018 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2018 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2018 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2018 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2018 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2018 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2018 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2018 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2018 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
12–13 октября 2018 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2018 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях

15–16 октября 2018 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2018 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2018 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2018 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2018 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2018 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2018 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2018 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2018 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2018 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2018 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2018 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2018 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2018 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2018 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2018 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Научометрические базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Швеция), • Open Academic Journal Index (Россия), • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), • Universal Impact Factor 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor – 1,711, • Scientific Indexin Services – 1,5, • Research Bible – 0,781, • Open Academic Journal Index – 0,5, • РИНЦ – 0,104.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor – 1,7636, • Scientific Indexin Services – 1,04, • Global Impact Factor – 0,884
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • General Impact Factor (Индия) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,72, • General Impact Factor – 1,5402
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,832
Чешский научный журнал «Akademická psychologie»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,725
Чешский научный и практический журнал «Sociologie člověka»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,75
Чешский научный и аналитический журнал «Filologické vědomosti»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США) 	<ul style="list-style-type: none"> • Scientific Indexin Services – 0,742

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- учебные пособия,
- авторефераты,
- диссертации,
- монографии,
- книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России
(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок),
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- присвоение ISBN,
- присвоение doi,
- печать тиража в типографии,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору.

Возможен заказ как отдельных услуг, так как полного комплекса.

**PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- training manuals;
- autoabstracts;
- dissertations;
- monographs;
- books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered
Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
or in Russia

(in the output of the publication will be registered
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors),
- Making an artwork,
- Cover design,
- ISBN assignment,
- doi assignment,
- Print circulation in typography,
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic,
- sending books to the author by the post.

It is possible to order different services as well as the full range.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Baku State University

NATIONAL CULTURES IN SOCIAL SPACE AND TIME

Materials of the V international scientific conference
on March 1–2, 2018

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Podepsáno v tisku 5.03.2018.
60×84/16 ve formátu.
Psaní bílý papír. Vydavate llistů 2,4.
100 kopií

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika
Tel. +420773177857
web site: <http://sociosfera.com>
e-mail: sociosfera@seznam.cz